

АНТИВОЕННЫЙ ДИСКУРС И ПОВЕДЕНИЕ БЕРЛИНСКИХ ДАДАИСТОВ

Целью статьи является описание антимилитаристского дискурса вильгельмовского периода на основе произведений берлинских дадаистов, а также критики ими культурной политики, проводимой Веймарской республикой.

Как известно, дадаизм возник в Швейцарии – государстве, не затронутом Первой мировой войной. В Цюрихе собирались деятели искусства участвующих в войне стран, творческие люди, чья деятельность в большей степени косвенно была связана с тогдашними политическими событиями. Как бы то ни было, дада рождается в контексте Первой мировой войны (об этой проблеме см.: [1]). В работе Сергея Шаршуна читаем, что «дадаизм – сумбурная смесь всех чувств, охватившая европейца со времени войны» [2, с. 10]. Картина резко меняется, когда дадаизм из Швейцарии доходит до Берлина и находит отражение в творчестве Рауля Хаузмана, Рихарда Хюльзенбека, Йоханнеса Баадера, Вальтера Меринга, Джона Хардфильда, Виланда Херцфельде, Георга Гросса и др. (о политических взглядах берлинских дадаистов см.: [3, с. 154–175]).

В годы Первой мировой войны и после кабального Версальского договора (1918) берлинский дадаизм в отличие от швейцарского приобретает политическую направленность. Об этом читаем в статье Р. Хюльзенбека «Вперед, дада» («En avant dada»): «Берлин был городом туго затянутых ремней, все громче заявляющего о себе голода, городом, в котором затаенная ярость оборачивалась безмерной алчностью, а интерес людей все больше сосредоточивался на выживании. Здесь надо было прибегать к совершенно иным средствам, если ты хотел сказать что-то людям. Здесь галстуки и бабочки можно было нацеплять на дверной косяк. В то время как в Цюрихе жилось, словно на курорте для легочных больных, где вытянув нос, бегают за женщинами и с нетерпением ожидают вечера с катанием на лодке, лампонами и музыкой Верди, в Берлине не знали, удастся ли на следующий день пообедать. Страх сидел у людей в костях, они догадывались, что великое предприятие, затеянное Гинденбургом и компанией, кончится плохо» (здесь и далее перевод В. Седельника; цит. по: [1]). Действительно, Веймарская республика заканчивается «всхлипом» в 1933 г. Обоснованность утверждений Р. Хюльзенбека об изменении общественных порядков можно наблюдать и на художественном уровне (роман А. Дёблина «Берлин, Александерплатц»). Если цюрихский дадаизм, по слову Г. Балля, был «жестом»,

то, следуя его логике, берлинский можно назвать «политическим жестом», направленным, по-первых, на девяносто трех деятелей искусства и профессоров («Манифест 93-х»), которые легитимизировали войну и сочли ее справедливой затеей кайзеровской Германией, и, во-вторых, на поддержание здравого смысла и высокого тона немецкого общества.

Р. Хюльзенбек пишет о поколении дадаистов, которые «были выброшены войной за пределы отечества» (цит. по: [1]). Но в одном вопросе они, по мнению автора, были едины: «...войну развязали отдельные правительства из самых пошлых кабинетных соображений; нам, немцам, была известна книга "J'accuse", но нас вряд ли можно было убедить в том, что германский кайзер и его генералы – порядочные люди» (цит. по: [1]). Эти слова подтверждают, что немецкие дадаисты четко понимали политическую ситуацию, у них было сознание модели «интеллектуал-хозяин»¹, примером которой для них было поведение (*habitus*) Эмиля Золя («Я обвиняю»)². Подобное поведение берлинских дадаистов доказывает, что они на немецком литературном поле проявляли свою оригинальность, проводили ценностную демаркационную линию между другими «артистами» литературных полей. Обращаясь к поведению Золя, П. Бурдые пишет: «Что сделал Золя? Известное дело Дрейфуса – это история о том, как некто, находясь в автономном литературном поле, которое наконец-то достигло автономии (для этого понадобилось несколько веков), вышел, чтобы сказать: от имени ценностей чистоты, свободы, истины и т. д., ценностей литературного поля, я вхожу в поле политики, полностью оставаясь писателем (он не стал политиком), и "я обвиняю"...» [5, с. 138]. Та же логика наблюдалась и у берлинских дадаистов. Они в литературном поле критиковали «артистов» прошлого и настоящего политического поля, не становясь при этом политиками. Иными словами, берлинским дадаистам удалось на автономном литературном поле проявить независимое, свободное поведение (*habitus*).

О факте рождения дадаистов и дадаизма в военное время говорит также С. Шаршун в своей книге, посвященной дадаизму: «Дада – крепенький ребенок войны, покушавший каши СОМНЕНИЯ собственной мамашки» [2, с. 8]. Это высказывание считаем обоснованным: берлинские дадаисты противостоят своей деятельностью не только политике, проводимой кайзеровской Германией, Веймарской республикой, но и всему дискурсу предшествующей литературы, живописи, музыки, морали, политики.

¹ Целью подобного типа интеллектуала являются гуманизм, принципы рациональности, обеспечение прогресса и его распространение. «Истина, – пишет Ницше Кауппи, – не в центре, а на обочине: истина всегда против политического истеблишмента и на стороне угнетенных, обездоленных, слабых» [4]. Именно модель «интеллектуала-хозяина» может истину с «обочины» перенести в «центр».

² Речь идет об открытом письме Э. Золя президенту Франции, связанном с делом А. Дрейфуса.

Р. Хюльзенбек в «Первой дадаречи в Германии» («Erste Dadarede in Deutschland», 1918) противопоставляет дадаистов пацифистам, так как «война предоставила нам возможность существовать во всем нашем величии» [6, с. 79]. Цитата свидетельствует, что Хюльзенбек видел деятельность дадаистов в контексте войны, т. е. не было бы войны, не было бы и дадаистского «бума». А противопоставление пацифистам обусловлено фактом объявления врагами сторонников «духа» (*Geist*). Апологетом «духа» являлся Г. Манн и его сторонники (часть экспрессионистов). В том же тексте Хюльзенбек выражает идею решительной борьбы за утверждение дадаизма не только на литературном, но и на политическом поле: «Мы были за войну, дадаизм и сегодня за войну» [6, с. 80].

Фактор войны является для дадаизма обязательным условием «жизнеспособности». Тристан Тцара в «Воспоминаниях о дадаизме» отмечает: «Дадаизм – характерный симптом беспорядочной современности. Он был вдохновлен хаосом и крахом Европы во время войны. <...> У немецких представителей дадаизма все это было проникнуто большей горечью, обращено к обществу и политике и приобретало даже революционный характер» [7, с. 76]. Такое наблюдение обоснованно, поскольку многие дадаисты примыкали к коммунистической партии (Джон Хардфильд, Виланд Херцфельде, Георг Гросс). Органом берлинских дадаистов был журнал «Нойе югенд», в котором подвергалась жесткой критике не только вильгельмовская эпоха, но и культурная политика правительства Веймарской республики.

В этом плане интересны «Разоблачения» («Enthüllungen», 1920) В. Меринга, где говорится: «Дада занимается политикой, как мелют муку» [8, с. 54] («Dada treibt Politik, wie man müllert») [9, с. 67]. Автор довольно резко критикует вильгельмовскую завоевательную политику: «Они коллекционируют скальпы негров и вползают в их набедренные повязки. Они движутся в Азию, чтоб удовлетворить свою некрофилию. Но они, если даже и будут бежать хоть до самого Северного полюса, все равно разобьют себе голову о дада» [6, с. 53]. Эти слова свидетельствуют о мистификации пространственной недостижимости дадаизма («до самого Северного полюса»), но дают основание заявить, что вильгельмовская политика («скелет» – *Schädel*) столкнется с цинизмом, она так же абсурдна, как и дада. В том же тексте Меринг отмечает, что после «отшелушения Германии как луковицы» можно «обнаружить внутри ее стыдливую пустоту» [9, с. 52].

Резкая критика вильгельмовской политики наблюдается также в стихотворении В. Меринга «Берлин симультанно». Политический сарказм можно заметить, например, в следующих строках: «С йохимбе¹ на массовые убийства / Да здравствует классовый оплот нации / От скал до моря и до гробовой доски» [6, с. 38] («Mit Johimbim zum Massenmord / Hoch national der

¹ Препарат, стимулирующий половую активность.

Klassehort / Vom Fels zum Meer und Leichenstein») [10, с. 46–47]. Как верно заметила Марина Изюмская, эта цитата является аллюзией на песню «Германия, Германия превыше всего» [12, с. 169].

Вильгельм II подвергся критике и в тексте «главного дадаиста» (Oberdada) Йоханнеса Баадера¹ «Величие и закат Германии» («Deutschlands Größe und Untergang», 1920). Этот текст имел одноименный ассамбляж [13]. Описывая дадаистскую монументальную архитектуру, Баадер помещает кайзера Вильгельма II в скорый поезд (первый этаж дада-конструкции), который, вращаясь вокруг пороховой бочки, взрывается, а уже на втором этаже «в туннеле обреченной на смерть империи вырастает целая эпоха совокупной худо-

жественной культуры. Музей шедевров всех столетий открывается под веревкой древнегерманской мышеловки» [6, с. 68]. Из этого можно заключить, что Баадер считает бессмысленными, не представляющими ценности предшествующие культурные артефакты, произведения и всю вильгельмовскую политику². Выходит, что до дадаизма ничего не существовало, а его будущее проходит через мировую войну (4-й этаж дада-конструкции), которой, по его мнению, в действительности и не было. Баадер считает, что это всего лишь «война газет» («Der Weltkrieg ist ein Krieg der Zeitungen» [10, с. 94]), т. е. информационная война, а затем дада должен завершиться «всемирной коммунистической революцией» (5-й этаж) [6, с. 70].

По сути, Баадер моделирует путь, который должен привести к дальнейшему распространению дадаизма. В этом контексте взгляды Баадера получают утопическую окраску. Утверждение, что мировой войны не было, естественно, не укладывается в рамки рациональности, т. е. они дадаистичны. Однако нельзя не заметить, что утверждение о том, что мировая война – это «война газет», логично, так как особенно до начала Первой мировой войны она была таковой на поле журналистики. Иными словами, сначала Первая мировая война была информационной, ценностной, плавно перешедшей затем в массовое уничтожение людей.

Большое влияние на формирование мировоззрения Баадера оказали марксизм (К. Маркс, В. И. Ленин) и анархизм (М. Кропоткин). Неслучайно

¹ О мировоззрении Й. Баадера, а также о берлинских и русских дадаистах см.: [11], [12].

² Дадаист Баадер был не только против кайзеровской Германии, но и отрицал связь дадаистов с Антантой: «Антанта погибнет от дада» [6, с. 100] («Die Entente wird an dada sterben!») [10, с. 134]). В свою очередь, Р. Хюльзенбек замечает, что «дадаисты наняты Антантой, чтобы устроить здесь революцию» [6, с. 102].

на коллаже Анны Хёх «Разрез кухонным ножом последней веймарской культурной эпохи пивного пуза Германии» («Schnitt mit dem Küchenmesser Dada durch die letzte Weimarer Bierbauchkulturepoche Deutschlands», 1919) голова Баадера изображена в непосредственном соседстве с головами Ленина и Маркса.

Левый экстремизм¹ приводит Баадера к энгельсовской идее мировой революции («Принципы коммунизма»), а анархистские взгляды и их эксцентризм – к анархистским, иногда абсурдным, действиям. Например, в 1919 г. в зале Веймарской оперы он бросает собравшимся депутатам свою листовку «Зеленый труп». А до этого, 6 февраля 1919 г., осуществляется дадаистский «путч» – «Дадаисты против Веймара. Листовка» («Dadaisten gegen Weimar. Flugblatt», 1919), где Баадер провозглашается «Президентом земного шара» («Präsident des Erdballs»). Веймар взрывают, Берлин провозглашают центром дада. Это решение было принято в Центральном Совете мировой революции дадаистов [18, с. 44].

¹ Ганс Бауман (подписавшийся Р. Хюльзенбек) в своем тексте «Об одном дадаистском частном деле» пишет, что Баадер неоднократно лечился в психиатрической больнице. Его психосоматическая болезнь фактически благотворно влияла на его дадаистскую деятельность. Из того же текста узнаем, что Баадер 1 апреля 1919 г. публикует объявление о своей смерти. М. Изюмская интерпретирует это как «рекламный трюк» [15, с. 151], но мы усматриваем в этом розыгрыш общественности в международный день смеха. В сущности, Баадер играл в дада. Неслучайно Хаузмэн называет Баадера «буржуазным шутом» («ein burgeoiser Narr»). Действительно, поступки Баадера напоминают поведение шута. Об этом свидетельствует его выходка во время проповеди в берлинской церкви. На вопрос священнослужителя, кто такой Христос, Баадер отвечает: «Христос – это ваша колбаса» («Christus ist euch Wurst»). За эти слова его арестовывают, но ему удается избежать ответственности. Обосновывает Баадер свой поступок тем, что ему не разрешили прочитать заведомо подготовленный текст: «Я хочу спросить вас, что значит для вас Христос. Вам на него чихать, ибо вы не следуете заповедям его». Фраза «Вам на него чихать» звучит в оригинале как «Christus ist euch Wurst». Семантическая игра начинается, когда начинается игра с денотатом слова «Wurst» (в контексте «колбаса», «еда» и т. д.) [1]. Шут, как видим, хитер: благодаря семантической игре он сумел избежать судебного процесса. Подобную дадаистскую выходку можно увидеть, когда Баадер пишет письмо самому Вильгельму II во время Первой мировой войны с требованием о ее прекращении [15]. За такое поведение Баадер освобождается от военной службы за неадекватность. А во время Второй мировой войны пишет письмо Гитлеру в защиту дадаизма. См. подробнее [17].

Одной из причин борьбы дадаистов была культурная политика, проводимая еще первым президентом Веймарской республики Фридрихом Эбертом (1919–1925). В речи, произнесенной 6 февраля на открытии Национального собрания, он объявляет Гёте и Шиллера центральными фигурами веймарской культуры. Дадаисты во главе с Баадером борются и против этого заявления. Естественно, дадаисты должны были быть против этого решения, поскольку социал-демократ Ф. Эберт хотел завоевать литературное поле «сверху». При таких обстоятельствах претендующий на «центр» дадаизм имплицитно «маргинализируется» политическим полем.

Как было отмечено, культурная политика, проводившаяся социал-демократом Ф. Эбертом, не отличалась открытостью мышления: подобным выражением он узурпировал свободу литературно-эстетического поля. Точно так же берлинские дадаисты желали быть в «центре» единственными. Получается, что стратегии социал-демократов и дадаистов на литературном поле особо не отличались друг от друга. В этом их общность. Но существует и различие. Дадаисты не принимали какого бы то ни было авторства, «не создавали себе кумиров»; они были «открыты» в своем мышлении: «дада – относительность относительного» (Р. Хаузмэн).

Превращение культуры в орудие политической пропаганды можно было наблюдать еще в период Первой мировой войны. Представитель цюрихского дадаизма Вальтер Зернер пишет в своей статье «Культура»: «Каждый третий знает Гёте, а каждый пятый стреляет в людей» [3, с. 88]. К этому вопросу возвращается Р. Хюльзенбек в статье «Лже-культура», где критикует таких политических деятелей, как Ф. Эберт и первый президент Веймарской республики социал-демократ Филипп Шейдеман (с 19 февраля до 27 июня 1919 г.), которые исковеркали культуру: «Томик Гёте в солдатском ранце подлежит уничтожению, даже если признать, что протыкание штыками¹ и убийство *volens volens* является особенностью этой бестии по имени человек. <...> Да, нам нужен порядок. Ах, война, так это мы ее развязали, это мы развязали, это мы устроили массовые убийства, построили систему жестокости. Это все наша заслуга. Мы же культурный народ. Возьмите, например, Гёте, или Шиллера, или хотя бы Шейдемана» [3, с. 312, 314].

Заметим, что в годы Веймарской республики политика, проводимая социал-демократами (Эберт, Шейдеман, Носке) также была лживой. Их «матка» срывается, когда их руками утоплены в крови коммунистические восстания. Все попытки коммунистических революций (1918 г., *Räterepublik*) Карла Либкнехта и Розы Люксембург были подавлены социал-демократами и министром обороны Густавом Носке (1919–1920), а лидеры революции без суда и следствия были повешены.

¹ Об этом Р. Хюльзенбек говорит также в статье «Вперед, дада», где, в частности, пишет: «С томиком Гёте в ранце они покидали свой “фатерланд”, чтобы колоть штыками французов и русских» [19].

В связи с этим политическим событием Г. Гросс, дадаист, примыкающий к компартии, приверженный «левому» экстремистскому крылу, публикует в 1919 г. в «Die Pleite» карикатуры «Prost Noske! – das Proletariat ist entwaffnet» («За здоровье Носке! – пролетариат обезоружен»). Риторика картины усиливается мечом (средство), трупами (следствие), шампанским (празднование победы). Как можно заметить, культура – не мораль («Культура – это мораль» – выражение В. Зернера [3, с. 88]), а средство для манипуляций, для пропаганды не только вильгельмовской эпохи, но и политики, проводимой Ф. Эбертом. Политическое поле руководствуется не моральными, культурными ценностями, а собственными интересами.

Берлинские дадаисты критиковали кайзеровскую Германию не только на текстовом уровне, но и различными артефактами-ассамбляжами. Например, в 1920 г. на первой международной выставке дадаистов Джон Херцфильд и Рудольф Шлихтер повесили на потолке инсталляцию – «Прусский архангел» («Der Preussische Erzengel»), где этот «архангел» представал в военной униформе и с мордой свиньи. На туловище «архангела» были написаны первые строки из стихотворения Мартина Лютера «Vom himel hoch da kom ich her» (1534), посвященного его восьмилетнему сыну Гансу. Сарказм усиливается не только изображением солдата с мордой свиньи, но и контекстом противопоставления второй строке лютеровского стихотворения, в котором читаем: «Vom himel hoch da kom ich her / ich bring euch gute neue mehr / der guten mehr bring ich so viel / davon ich singen und sagen will» [20] («Спустился я сюда с небес, / принес я вам благую весть, / добра я вам принес так много, / о чем я вам хочу сказать и спеть»; *подстрочный перевод наш. – Т. С.*). В первом четверостишии лютеровского стихотворения от имени «Я» говорит Христос. Лютеровский текст в устах «пруссского архангела» существенно переосмысливается. Во-первых, на первом уровне в потенциале можно заметить насмешку дадаистов над Христом, над христианскими ценностями, а на втором – критику прусского милитаризма.

Послание авторов ассамбляжа представляет собой в большей степени ответ на прусскую пропаганду, стилизованную под псевдохристианскую аксиологию, чем критику самой религии. Адресатом критики дадаистов предстает духовенство, поддерживающее Первую мировую войну. Конечно, удар дадаистов на этой выставке был направлен на захватническую вильгельмовскую политику, против подстрекателей войны, а не против замученных, разбитых, жаждущих сострадания простых солдат.

Агрессивная прагматическая стратегия берлинских дадаистов проводилась для пробуждения общества. Они сопоставляли не сопоставимое: «морда – солдат – архангел».

Тройное сопоставление генерирует идею дегероизации общественного сознания, а сама инсталляция выступает как антитекст кайзеровской пропаганды. В свою очередь, солдат никак не может быть архангелом, так как он потенциальный убийца врага, открывающий дорогу к архангелам.

Интересна также табличка под фигурой солдата, которая служит подсказкой посетителям: «Чтобы полностью понять смысл этого произведения искусства (*Kunstwerk*), шагай ежедневно по 12 часов полевым солдатским шагом в поле Темпельхофа (один из районов Берлина. – Т. С.) в полном походном снаряжении». Херцфельд и Шлихтер пытаются донести до зрителя, что их инсталляция – «произведение искусства», напоминание политическим «романтикам», ура-патриотам, что роль солдата тяжела в прямом и переносном смысле. Естественно, потерпевшая поражение политическая и военная элита Веймарской республики не остается безразличной к выходкам дадаистов и возбуждает уголовное дело, завершающееся административным наказанием авторов.

Таким образом, можно резюмировать: дадаистский дискурс резко критикует вильгельмовскую и веймарскую политику в псевдохристианском дискурсе, ведет агрессивную борьбу против культурной политики Веймарской республики. Политически ангажированные берлинские дадаисты открыто критикуют также политических и литературно-культурных «артистов». Разнообразны были и формы их борьбы: вербальные (литературные / нелитературные тексты), невербальные (знаковое поведение, ассамбляж, инсталляция) и коммуникативные каналы (аудио-визуальные). В прагматическом плане берлинские дадаисты пытались своими текстами апеллировать к рациональному и чувственному уровням.

Литература

1. Седельник, В. Д. Дадаизм и дадаисты / В. Д. Седельник. М., 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dali-genius.ru/library/dadaizm-i-dadaisty.html>. – Дата доступа: 20.05.2014.
2. Шаршун, С. Дадаизм (компиляция) / С. Шаршун; сост. и коммент. С. Шаргородского. [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/sharshun_dadaizm_2012.pdf. – Дата доступа: 25.05.2014.
3. Дадаизм в Цюрихе, Ганновере и Кёльне : Тексты, иллюстрации, документы / отв. ред. К. Шуман. М., 2001.
4. Кауппи, Н. Социолог как моралист : «практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция / Н. Кауппи // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. – [Электронный ресурс]. – <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/kauppi.html>. – Дата доступа: 20.05.2014.
5. Бурдьё, П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики / П. Бурдьё // Социоанализ Пьера Бурдьё : Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 2001. С. 138. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/almanah-soc_anal_burdye-8l.pdf. – Дата доступа: 20.05.2014.
6. Хюльзенбек, Р. Дада-Альманах / Р. Хюльзенбек. М., 2000.
7. Тцара, Т. Газовое сердце : Три ДАДАдрамы / Т. Тцара; пер. и коммент. С. Шаргородского. [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2012.
8. Меринг, В. Разоблачения / В. Меринг // Дада-Альманах / Р. Хюльзенбек. М., 2000.
9. Mehring, W. Enthüllungen // Dada Almanach / R. Huelsenbeck. Berlin, 1920.
10. Huelsenbeck, R. Dada Almanach / R. Huelsenbeck. Berlin, 1920.
11. Изюмская, М. Берлин-дада и Россия : Йоханнес Баадер – Президент земного шара / М. Изюмская // Терентьевский сборник. М., 1998. С. 227–245.
12. Изюмская, М. Комментарии / М. Изюмская // Дада-Альманах / Р. Хюльзенбек. М., 2000. С. 153–191.
13. Deutschlands Größe und Untergang. Berlin, 1920. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://weimarart.blogspot.com/search/label/Baader>. – Дата доступа: 20.05.2014.
14. Изюмская, М. Тот самый Баадер / М. Изюмская // Так говорил Обердада : Манифесты, листовки, эссе, стихи, заметки, письма. 1906–1954 / Й. Баадер; сост. С. Кудрявцева, пер. с нем. Т. Набатниковой. М., 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1366021863282>. – Дата доступа: 20.05.2014.
15. Изюмская, М. «Альманах дада» вышел / М. Изюмская // Дада-Альманах / Р. Хюльзенбек. М., 2000. С. 123–152.
16. Риха, К. Предисловие к книге Й. Баадера «Пейте молоко Млечного Пути» / К. Риха // Trinken Sie die Milch der Milchstrasse / J. Baader. Hamburg; Zürich, 1990. S. 7–10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hylaea.ru/riha_publ.html. – Дата доступа: 20.05.2015.
17. Баадер, Й. Письмо Адольфу Гитлеру о дадаизме / Й. Баадер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hylaea.ru/baad_publ.html. – Дата доступа: 20.05.2014.

18. Dada Berlin : Texte, Manifeste, Aktionen / hrsg. von K. Riha. Stuttgart, 2009.

19. Хюльзенбек, Р. En avant dada / Р. Хюльзенбек // Дадаизм и дадаисты (Приложение) / В. Д. Седельник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dali-genius.ru/library/dadaizm-i-dadaisty23.html>. – Дата доступа: 14.05.2014.

20. Historisch-kritisches Liederlexikon. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liederlexikon.de/lieder/vom_himmel_hoch_da_komm_ich_her. – Дата доступа: 20.05.2014.